

Марина
СЕРОВА

Смертельный конкур

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Смертельный конкур

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Смертельный конкур / М. С. Серова — «Эксмо»,
2018 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-098634-7

У профессионального телохранителя Евгении Охотниковой новый клиент – бизнесмен Иван Кузнецов просит защитить его дочь Марину. Но Евгении придется сменить свое амплуа и пересечь из комфортабельного внедорожника на... лошадь. Марина серьезно занимается конным спортом, а именно конкурном – прыжками через препятствия. Охотниковой нужно будет охранять капризного подростка тайно, а для этого придется освоить основные правила конкурра. Тем более на Марину уже не единожды покушались...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098634-7

© Серова М. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Сергеевна Серова

Смертельный конкур

© Серова М.С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Вдохновленная боевым кличем закованной в стальные доспехи предводительницы, армия всадников ринулась в атаку. С высокой неприступной башни посыпался град стрел, обильно поливающих нападавших железным огнем. Меткие копья ранили и убивали, но воины не обращали внимания на своих павших соратников. Окрыленные верой в победу, они упорно прищипывали своих коней и, охваченные предвкушением кровавой битвы, прорывались вперед.

Я щелкнула мышкой и остановила воспроизведение фильма, собираясь сходить на кухню за чаем. Глаза немного устали от напряжения, и я перевела взгляд в окно. Чистое голубое небо, ни намек на облака. Да, в середине июля лето наконец-то вступило в свои права – закончились затяжные, по-осеннему унылые дожди, и уже с самого утра нещадно палило солнце, заставляя обитателей города Тарасова проводить свои дни либо дома под кондиционером, либо на пляже. Ну, или нежиться на морских курортах – если повезло с отпуском. Я искренне сочувствовала несчастным офисным работникам, вынужденным в жаркий сезон корпеть над бумагами или за компьютерами, – скукота, да и только. Хотя сама я не горела желанием собрать чемодан и махнуть куда-нибудь на юга. Меня вполне устраивало проводить свободное время дома, изредка выбираясь пострелять в облюбованный мною тир или поупражняться в искусстве айкидо. В работе телохранителя не существует понятие официального отпуска, что ни говори, а данная профессия непредсказуема, и приходится ловить любой момент, когда нет неотложных дел и можно заниматься чем душе угодно. У меня как раз выпала пора отдыха после недавнего сложного задания, и я не преминула воспользоваться возможностью насладиться беззаботной жизнью. Когда было настроение – отправлялась вечером на прогулку в ближайший парк, но чаще всего сидела дома, уткнувшись в ноутбук, и смотрела фильмы. Когда все новинки киноискусства были уже просмотрены, я находила в Сети свои любимые боевики и триллеры и в который раз пересматривала особенно запавшие в душу. Тетушка Мила, с которой я живу, только удивлялась – как мне не надоедает такой скучный, по ее мнению, образ жизни. Но мне с лихвой хватает адреналина на работе, и после очередного успешного задания меня совершенно не тянет на какие бы то ни было приключения. Хотя я никогда не считала себя домохозяйкой, иногда мне приятно целый день просидеть в прохладной комнате, с увлечением следя за перипетиями сюжета очередного фильма. Со стороны может показаться, что раз человек считается киноманом, он готов смотреть все, что угодно. По себе могу возразить, что это не так – для меня нет ничего хуже второсортного некачественного кино, тогда как по-настоящему стоящую вещь я готова пересматривать несколько раз подряд. Помню, как раньше мне приходилось выдумывать самые изощренные способы, дабы достать видеокассету с новым фильмом в нормальной озвучке, и не нарваться на «пиратскую» версию. Сейчас же, с появлением сети Интернет, жизнь любителей кино сильно упростилась – можно найти что угодно и когда угодно. Но иногда и новинки не в радость – хочется пересмотреть что-то, подходящее по настроению. На моем ноутбуке существует даже специальная папка, куда я сохраняю особенно понравившиеся фильмы. К слову сказать, сегодня как раз ее и открыла – вначале пересмотрела трехчасовую драму «Жанна д'Арк», в которой снималась Лили Собески (не путать с одноименным фильмом Люка Бессона, в его версии главная героиня предстает жуткой истеричкой!). Потом я собиралась пересмотреть «Малышку на миллион», признанную мною шедевром киноискусства. Я предвкушала чудесный вечер – замечательный фильм, уютное кресло, доносящиеся из кухни волшебные ароматы... Тетя Мила, как всегда, стряпает нечто потрясающе вкусное, иначе она не может. Даже я, человек, крайне неприспособленный в еде, не могу не отдать должное ее румяным, пышным пирогам или изысканным салатам. Наверно, талант к кулинарии заложен в человеке от природы, так же, как художественные или музыкальные способности. Вот меня

к плите вообще допускать нельзя – мало того, испорчу продукты, и хорошо, если не устрою пожар на кухне. Что сделаешь, к приготовлению пищи я абсолютно не приспособлена, поэтому доверяю сей процесс тете Миле или перебиваюсь покупной едой.

Моя тихая, мирная идиллия была внезапно нарушена трелью мобильного телефона, которому, похоже, надоело валяться без дела и захотелось привлечь к себе внимание. Номер был незнакомый – я сразу поняла, что звонят по делу. Сомневаюсь, что некто неизвестный решил поделиться с Женей Охотниковой впечатлениями о чудесно проходящем лете. Я нажала на зеленую кнопку и поднесла телефон к уху.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась со мной трубка. – Мне вас порекомендовал Василий Сугробов, вы год назад спасли его жену, помните? Ее собирались убить, вы предотвратили покушение.

Несмотря на обилие проведенных мною операций по спасению человеческих жизней (профессия телохранителя обязывает вытаскивать моих клиентов из лап смерти!), дело Сугробова я хорошо помнила. Мало того, преступником оказался человек, которого я подозревала в последнюю очередь, так еще пришлось рисковать своей жизнью, чтобы спасти жену Сугробова от ее обезумевшего поклонника. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб понять: меня ждет новая работа.

– Да, это я. Чем могу быть полезна?

– Это не телефонный разговор, – оправдал мои ожидания собеседник. – Могу ли я с вами встретиться?

В половине пятого вечера я уже сидела за столиком кафе, где была назначена встреча с неким Иваном Андреевичем Кузнецовым, которому потребовались мои услуги. Мы договорились обсудить дело в пять вечера, но я, дабы не опоздать из-за пробок, выехала с запасом, поэтому сейчас коротала время за чашкой уже остывшего чая. Так оно всегда бывает – только собираешься расслабиться и побездельничать, как судьба решает внести разнообразие в жизнь – чтоб скучно не стало. За время своего пребывания в Тарасове я настолько к этому привыкла, что перестала строить какие бы то ни было планы даже на ближайший день, не говоря уже о неделе или месяце. По-моему, выигрышная позиция – если распорядка нет, то ничто его не может нарушить. А если не устраивает – пожалуйста, Женя, ищи себе обычную работу и забудь о яркой и динамичной жизни.

Роптать на провидение я не собиралась, а потому со спокойной душой дожидалась появления своего потенциального нанимателя. Других вариантов нет – обо мне чаще всего узнают через знакомых, которым я когда-то помогла. По этой причине я не меняю номера мобильного, чтоб не лишиться возможных клиентов, ведь ни в какой фирме я официально не числюсь.

Иван Андреевич явился аккурат в пять, следуя пословице: «Пунктуальность – вежливость королей». Мы заранее договорились, за каким столиком встретимся, поэтому описывать свои приметы ни у меня, ни у него не было необходимости. Кузнецов оказался высоким плотным мужчиной лет пятидесяти, на вид отличающимся крепким здоровьем. Несмотря на возраст, в его облике не было ни намека на лишний вес или дряблые мышцы, а седина, покрывшая, точно снег, его голову, только прибавляла ему обаяния. Серые живые глаза излучали внимательность и острый ум. В целом, Иван Андреевич не мог не производить на людей отрицательного впечатления.

Кузнецов был одет скромно, но не небрежно. Летняя голубая рубашка с короткими рукавами превосходно гармонировала с черными джинсами, вроде простыми, но явно не купленными в секонд-хенде. Судя по всему, излишнего внимания одежде Иван Андреевич не уделяет, но следит, чтобы вещи были качественными и подходящими случаю. Вот если бы местом нашей встречи оказался ресторан, а не скромное кафе, наверно, он явился бы в костюме и при галстуке...

– Евгения Охотникова? – скорее утвердительно, нежели вопросительно, обратился он ко мне и, не дожидаясь ответа, присел на стул напротив. К нашему столику тут же подлетела хрупкая официантка и заученно улыбнулась, готовясь принять заказ. Кузнецов выбрал свежесжатый апельсиновый сок, я отдала свою чашку и остановилась на яблочном фреше. Девушка все аккуратно записала в маленький блокнотик и пообещала, что наши напитки будут готовы спустя пять минут.

– Я вас себе иначе представлял, – признался Кузнецов. – Образ телохранителя не очень вяжется с вашим внешним обликом, это скорее комплимент, не считите за неуважение.

Я сдержанно улыбнулась в ответ. Ну да, большинство людей считают, что работу телохранителя должны выполнять мускулистые угрюмые парни, а стройная, высокая девушка вроде меня часто вызывает недоумение. Но внешность обманчива – у себя на родине, во Владивостоке, я прекрасно училась в закрытом заведении, называемом «Ворошиловка», и без ложной скромности скажу, считалась одной из лучших в нашей группе. С детства питала страсть к единоборствам, метко стреляю из любого оружия, хотя и предпочитаю свой родной револьвер. Все это я, конечно, не стала рассказывать своему визави – раз обратился ко мне, то наслышан о моей незаурядной персоне. Я оставила реплику Кузнецова без комментариев, и тот правильно истолковал мое молчание, перейдя к сути дела.

– Я хочу, чтобы вы охраняли мою дочь Марину, – заявил Иван Андреевич. – У меня есть подозрение, что ее жизни угрожает смертельная опасность, поэтому я и решил прибегнуть к услугам опытного телохранителя, каковым, надеюсь, вы и являетесь.

– Если вы разговаривали с Сугробовым, то имеете представление о качестве моей работы, – парировала я. – Думаю, нет нужды перечислять все мои достоинства и успешно проведенные боевые операции. Будет лучше, если вы сразу расскажете, что за опасность угрожает вашей дочери и от кого я должна, по вашему мнению, ее охранять.

– Это вы справедливо заметили, – согласился со мной Кузнецов. – Для начала скажу пару слов о себе и о Марине, чтобы вы составили себе какое-то представление о характере работы. Как это ни странно звучит, но я вырос в деревне – недалеко от Тарасова, точнее, даже не в деревне, а в поселке. Раньше жившие там люди занимались сельским хозяйством, но постепенно все стали перебираться в город, а деревенские дома продавались дачникам. Некоторые старожилы остались – в поселке есть люди, которые по-прежнему держат скот, домашнюю птицу, но это скорее пережиток прошлого. Я же застал времена, когда все – и взрослые, и дети – выходили работать в поля, жили за счет урожая. Мои родители даже держали корову и кур, а мальчишкой я бегал на местную конюшню, помогал ухаживать за лошадьми и, собственно, получил опыт верховой езды. К этим животным я с детства питал настоящую страсть – мне нравилось не только скакать по полям галопом, но и наблюдать за ними, подмечать их повадки и особенности. Знаете, каждая лошадь имеет свой характер и темперамент – совсем как у людей. Некоторые лошади спокойные и миролюбивые, некоторые отличаются неустойчивым, буйным нравом.

Возможно, любовь к лошадям, как и другие склонности, передается по наследству. Марина, моя дочь, впервые села на лошадь в три года. Не ездить – сфотографироваться. Но в отличие от других детей ее никогда не пугали эти животные, она даже пыталась рисовать их у себя в альбоме. Сразу поясню, что, когда родилась Марина, мы с женой переехали в Тарасов, где мне удалось найти неплохую работу. Не буду утомлять вас подробностями, скажу, что зарабатывать я стал прилично, и Наташа, так звали мою супругу, могла все свое время посвящать воспитанию дочери.

– А кем вы работаете? – поинтересовалась я.

– У меня частная ветеринарная клиника, – не без гордости пояснил Кузнецов. – Сами понимаете, с животными я легко нахожу общий язык, поэтому и пошел учиться на ветеринара. Это довольно востребованная профессия, ведь в Тарасове нет соответствующего учеб-

ного заведения, поэтому специалистов не хватает. Ближайший ветеринарный колледж находится только в Нижнем Новгороде, а учебное заведение, которое я окончил, сейчас закрылось. Таким образом, недостатка в работе, а следовательно, и в средствах, мы не испытывали.

К несчастью, – немного помолчав, продолжил Иван Андреевич, – Наташа привыкла к жизни в деревне, и город на нее плохо действовал. Жена начала часто болеть, а когда решили обследоваться, было уже поздно. Выяснилось, что у нее рак – Наташа угасла, словно свечка. Марине тогда было четыре года.

– Соболезную, – я склонила голову, выражая сочувствие. Исполнительная официантка поставила на наш столик два граненых бокала с трубочками – оранжевый напиток пододвинул к себе Кузнецов, мне достался бледно-зеленый коктейль с густой пеной.

– Смерть жены настолько потрясла меня, что если б не дочь, я не знаю, что бы со мной было. Конечно, я не стал бы кончать жизнь самоубийством, всегда считал, что человек не имеет права нарушить замысел высших сил и уйти в мир иной раньше, чем следует. Марина стала для меня смыслом, ради которого я продолжал работать, и, сами понимаете, я делал все возможное, чтобы у девочки было счастливое детство, несмотря на потерю матери. Это только кажется, что четырехлетний ребенок ничего не понимает, на самом деле дети все тонко чувствуют. Самое ужасное для меня было – это вопрос Марины: «А когда приедет мама?» Может, поэтому я и отдал Марину на наш ипподром, чтобы девочка с детства занималась с лошадками, которых она так любила. Я считал, да и сейчас считаю, что, если у человека есть любимое дело, он сможет противостоять любым жизненным трудностям, любым ударам судьбы.

Как оказалось впоследствии, я не ошибся, поручив Марину заботам Жанны Лебедевой, которая является на ипподроме одним из лучших тренеров. Жанна – моя давняя знакомая, мы вместе учились, только она – на инструктора верховой езды, а я на ветеринара. Мало того, Жанна – великолепная наездница, мастер спорта по конкуру и выездке, она еще и гениальный, не побоюсь этого слова, преподаватель. Конечно, она очень требовательна и строга к своим подопечным, но благодаря ее подготовке практически все ученики добиваются успехов в конном спорте. К тому же у моей Марины оказался явный талант к верховой езде. В своей возрастной группе она была едва ли не лучшей ученицей, Жанна муштровала ее так, что мало не покажется, но Марина была очень старательной и исполнительной. В результате – участие во всевозможных соревнованиях по конкуру, боюсь соврать, сколько у дочери грамот за победы и призовые места...

– Прошу прощения, – перебила я гордого отца. – Я не очень разбираюсь в конном спорте, конкур – это вроде прыжки через препятствия?

– Именно, – кивнул головой Кузнецов. – Любое направление в конном спорте представляет сложность, ведь лошадь – живое существо, мало знать технику и владеть своим телом, нужно еще и уметь подчинить себе коня. В паре «всадник – лошадь» человек является главным, и многое зависит еще и от психологического настроя наездника. Конкур считается самым опасным видом конного спорта. Но Марина выбрала именно его и благодаря своему упорству и, естественно, таланту преподавателя уже в юном возрасте добилась превосходных успехов.

– А сколько сейчас лет вашей дочери? – поинтересовалась я.

– Шестнадцать. Через год школу заканчивает, – пояснил Иван Андреевич. – Сейчас у всех ее одноклассников летние каникулы, а у Марины – постоянные тренировки. Она готовится к очень сложным соревнованиям, впервые берет «тройник». «Тройником» называется препятствие из трех жердей, каждая из последующей жерди выше предыдущей. Чтобы пройти «тройник», от всадника требуется незаурядное мастерство в управлении лошадью, а также отменная координация и сила. Последнего Марине как раз недостает – она по комплекции примерно как вы, то есть довольно стройная, но жокея бы из нее не вышло. Из-за роста, жокеи ведь должны быть невысокими. Соревнования совсем скоро, Марина ездит на ипподром каждый день, занимается с утра до вечера. Я сам очень переживаю за дочь, но ее ничто не останавливает – ни

неудачи, ни падения. Переживает, истерики закатывает, но потом все равно идет на конюшню и садится на Смерча.

– Смерч – это конь девушки? – уточнила я.

– Да, это кличка коня, на котором Марина выступает и занимается. Шикарный, вороной масти. У Марины мечта – купить его.

– Подождите, – не поняла я. – Вы же говорите, что Смерч – Маринин конь? То есть лошадь уже принадлежит вашей дочери? Или она только ездит на нем?

– На конюшне за каждой ученицей, а у Жанны группа состоит из девчонок, закрепляется лошадь. Конечно, неофициально – просто девочки сами договариваются, кто на какой лошади будет ездить, и в дальнейшем чужих коней никто из них не берет. Но это касается только тех людей, которые, так сказать, занимаются серьезно. Под прокат всаднику могут дать любую лошадь, а те, кто занимается конным спортом всерьез, должны не только ездить, но и ухаживать за животными. К примеру, отбивать денники. Денник – это стойло для лошади, а отбивать денник означает чистить его от навоза и грязи.

– Так это же работа конюха, – проявила я эрудицию. – Или такового на ипподроме нет?

– Есть, конечно, – пояснил Иван Андреевич. – Но, если человек посвящает свою жизнь конному спорту, он должен не только брать лошадь и «кататься» на ней, но и выполнять черную работу. Конечно, если к тренеру приходит человек, желающий просто прокатиться на лошадке, ему выдают полностью подседланного, чищеного коня и никакие денники отбивать не заставляют. Но такой человек – проходящий, тренер с ним занимается, но не более того. Марина начинала свою «карьеру» с того, что просто приходила на конюшню и помогала ухаживать за лошадьми. И только спустя год ее стали обучать непосредственно технике рыси и галопа.

– Понятно, – сказала я. – Все это, конечно, прекрасно, но пока мне непонятно, для чего вам требуются мои услуги? Как я поняла, вы подозреваете, что вашей дочери грозит опасность. Пока я вижу угрозу жизни только в неудачном падении с лошади. Хотелось бы вникнуть в суть дела.

– Я к этому как раз перехожу. – Кузнецов прокашлялся и отпил из стакана. Я тоже вспомнила про свой фреш – на вкус освежающий и не слишком сладкий. Идеальный напиток в жаркую погоду.

– Во время одной из тренировок с Мариной произошел несчастный случай. Она выполняла разминку – прыгала через метровое препятствие. Это обязательная часть тренировки, вначале ученицы меняют аллюры, берут легкие барьеры и уже потом приступают к сложным. Когда Марина разогнала Смерча, чтобы прыгнуть, практически новая уздечка внезапно порвалась. Сами понимаете, что может произойти, если всадник не такой опытный, как моя дочь. Конь прыгнул, но Марине не удалось удержать равновесие, и она упала, едва Смерч приземлился на передние ноги. Жанна, конечно, разозлилась – падение вышло глупое, но сработал эффект неожиданности. Всадник ведь держится не руками за повод, а ногами, повод – только для управления лошастью. Если б уздечка порвалась на рыси или галопе, Марина бы удержалась, это точно. Но при прыжке любая случайность может оказаться роковой. Я говорю, что Марине повезло, потому что она упала на землю, не задев другого препятствия, на манеже барьеры расположены близко друг к другу. И еще ей повезло, что никто из всадниц больше не прыгал – тогда бы дело окончилось трагедией. Я подозреваю, что повод порвался не случайно. Одно дело, старая амуниция, здесь ничего криминального не было бы. Но и уздечка, и седло у Смерча практически новые, качественные. Я думаю, дело не обошлось без постороннего вмешательства.

– Вы считаете, что некто повредил повод, чтобы убить Марину? – уточнила я.

– Может, не убить, а покалечить, – пожал плечами Иван Андреевич. – Я полагаю, что злоумышленник хочет помешать Марине участвовать в соревнованиях, пытается подстроить

несчастный случай. В тот раз девочке повезло, но я опасаясь, что преступник не остановится и снова попытается устранить Марину. Поэтому я и прошу вас, чтобы вы охраняли мою дочь.

– Хорошо, я бы хотела познакомиться с девочкой, расспросить ее, – кивнула я. – Ведь это можно устроить?

– А вот тут и кроется еще одна проблема, – вздохнул Иван Андреевич. – Марина по характеру очень упрямая и настырная, ее практически невозможно переубедить. Когда я только заикнулся о том, чтобы заявить в полицию или хотя бы нанять частного детектива для расследования дела, Марина заявила, что не потерпит постороннего вмешательства. Мол, не хочет она, чтоб на конюшне ошивались посторонние люди, и вообще, она считает, что произошла нелепая случайность и никто не рвал уздечку. Ни о каких телохранителях она и слышать не хочет, понимаете? Я не знаю, как, но охранять вам ее придется незаметно, чтобы никто об этом не знал. Думаю, у вас были подобные случаи в вашей практике, что-нибудь можно придумать?

– Можно, конечно, – я подперла голову руками. – Выходит, моя работа заключается в том, чтобы незаметно следить за вашей дочерью, и в то же время помешать повторной попытке нанести Марине вред.

– Именно так, – кивнул Кузнецов. – Насчет платы и расходов можете не беспокоиться – называйте любую цену, все материальные дела я беру на себя. Только я прошу вас приступить к делу как можно скорее. Вам нужно охранять Марину на ипподроме, во время дороги с ней, надеюсь, ничего не случится. На конюшню и с конюшни ее забирают, машина приезжает за дочерью, когда она скажет. А никуда больше Марина не ходит.

Похоже, с деньгами у Ивана Андреевича и правда проблем нет, раз он согласился на названное мною материальное вознаграждение за услуги. То, что клиент не торгуется, меня порадовало. Увы, я много раз сталкивалась с личностями, которые хотят качественную работу, но совершенно не желают раскошелиться, пытаются всячески снизить цену за мои услуги. В таких случаях я ставлю вопрос ребром: если что-то не устраивает, ищите себе другого телохранителя. Благо, сегодня к такой мере прибегать не пришлось.

Глава 2

– Женечка, а это тебе зачем? – тетя Мила с недоумением посмотрела на лежащий на столе пакет с сухарями. Я неопределенно махнула рукой, дожевывая свой привычный завтрак – тосты и кофе.

– И опять ешь не пойми что! – всплеснула руками заботливая тетушка. – Я же вчера пирог с вишней испекла, в холодильнике лежит! Почему не взяла?

– Да не беспокойся ты так! – Я отпила большой глоток кофе. – Пирог вкусный, спасибо, я вчера его ела.

– Сухари-то зачем? – недоумевала та. – Еды нормальной в доме полно, а ты покупаешь фигню какую-то!

– Да не мне это! – успокоила я тетю Милу. – А лошадям.

– Господи, Женя, каким еще лошадям? – Тетушка, очевидно, решила, что племянница перегрелась на летнем солнышке и сейчас пребывает в не вполне адекватном состоянии. Да что говорить, я и сама до сих пор не могла поверить в то, чем мне предстоит заниматься в ближайшее время. Я-то думала, что меня ничем не удивить – что я только ни повидала за свою пускай и не слишком долгую, но насыщенную жизнь! Погони, перестрелки, схватки с толпой противников... Но если б мне кто-то сказал, что в 27 лет Жене Охотниковой предстоит брать уроки верховой езды – ни за что бы не поверила! Я всегда относилась к лошадям довольно прохладно, и даже в детстве, когда маленькие девочки мечтают покормить или погладить милую коняшку, держалась от этих животных подальше. Помню, когда я жила во Владивостоке, меня все-таки посадили на лошадь. Мы с отцом ездили к родственникам в деревню, и мой папаша решил порадовать дочурку – попросил местного пастуха прокатить Женечку верхом. Вроде мне было лет двенадцать, не больше. То ли пастух накануне принял на грудь, то ли ему взбрело в голову повеселиться, но он не ограничился шаговой прогулкой и пустил коня в рысь. Когда лошадь резко сменила аллюр, я с трудом удержалась, чтоб позорно не свалиться в кусты. Вцепилась в гриву и всеми силами пыталась не отбить себе все что можно на неровных подскоках. И кому может это нравиться – трясет, подбрасывает, как мешок с картошкой, и единственная надежда, что лошади рано или поздно надоест скакать и она остановится. Правда, мой конь не горел желанием перейти в шаг, и я в ужасе заорала, требуя, чтоб меня немедленно сняли. Успокоилась я только тогда, когда почувствовала под ногами твердую землю – к счастью, пастух не оказался законченным извергом и, что-то прокричав своему коню, заставил животное остановиться. С тех пор лошадей я обходила стороной – хватило приключений, больше не хочется. И вот, по иронии судьбы, мне придется учиться ездить верхом, преодолевая свое неприязненное отношение к этому занятию. А что сделаешь – другого выхода нет. Мне нужно как-то присматривать за Мариной, попутно выясняя, кто на конюшне мог хотеть девчонке зла. Я не придумала ничего лучше, кроме как посещать ипподром под видом ученицы талантливого тренера Жанны Константиновны.

Кузнецову моя идея понравилась, и он снабдил меня контактами инструктора. По его словам, попасть к Жанне на обучение трудно, она придирчиво относится к желающим брать у нее уроки людям. Если человек не имеет способностей к конному спорту, она это сразу видит, и после первого же занятия отправляет горе-ученика к другому тренеру. Не хочет тратить свое время на бестолковых бездарей, поняла я. Иван Андреевич, похоже, был уверен, что я должна понравиться Жанне.

– Вы же спортом занимаетесь, – пояснил он. – Значит, владеете собственным телом, с координацией у вас тоже должно все быть в порядке. Обычно, если человек дружит с физкультурой, то и с верховой ездой справляется.

Что верно, то верно, на физподготовку не жалею. Только как быть с моим неприязненным отношением к четвероногому средству передвижения? Сказать по правде, я куда лучше чувствую себя за рулем удобного, верного «Фольксвагена»: вожу уверенно, и к машине своей отношусь трепетно, с любовью. Ну почему Марина занимается верховой ездой, а не участвует в автомобильных гонках?..

Тетушка Мила только поохала, когда я объяснила ей, что собираюсь на ипподром. Бодрости и оптимизма мне это не прибавило.

– Да зачем тебе это, Женечка? – недоумевала она. – Лошади – опасные животные!

– По работе, – коротко бросила я. Тетушка искренне меня пожалела, сочувственно прибавив, что лучше б я и дальше фильмы смотрела. По крайней мере, это занятие тихое и безопасное. Мне оставалось только согласно хмыкнуть в ответ.

Накануне вечером я позвонила Жанне Константиновне и изъявила свое желание брать у нее уроки. Наплела, что с детства грезилась лошадьми, хотела ездить верхом, но возможности не было. А теперь появились деньги – зарабатываю прилично, вот и решила воплотить свою давнюю мечту в жизнь. Прибавила, что очень старательная, буду делать все, что она скажет, ну и платить, естественно, за индивидуальные уроки в состоянии. Жанна сухо сообщила мне время первого занятия (я настояла, чтобы обучение началось как можно раньше, пока у меня отпуск, и я могу ездить на ипподром хоть каждый день). Как объяснил Кузнецов, вначале люди берут индивидуальные уроки, которые, понятное дело, стоят недешево, а потом, овладев азами верховой езды, занимаются в группе. Я изъявила желание заниматься на манеже, вроде интересуюсь конкурном и намерена преуспеть именно в этом направлении конного спорта. На столь амбициозное заявление Жанна только усмехнулась, пояснив, что задачу я себе поставила не из легких. Ничего, заверила я ее, у меня точно получится, ведь я такая талантливая и старательная. Меня порадовало, что тренер велела приезжать утром. Таким образом, у меня есть шанс познакомиться с Мариной, а заодно и с другими подопечными Жанны. А после урока я придумаю что-нибудь, дабы задержаться на конюшне. Пакет с сухарями, надеюсь, будет как нельзя кстати.

Экипировалась я соответственно: отыскала удобные спортивные штаны, жилетку (я обратила внимание, что все наездники носят поверх рубашек и футболок безрукавки на молнии), на ноги надела легкие кроссовки на маленькой платформе. Мне повезло, что таковые имеются в моем гардеробе. Жанна советовала мне найти ботинки на небольшом каблучке – вроде чтобы правильно держать ноги в стремях. Итак, в парадном облачении я села за руль своего «Фольксвагена» и выехала на свой первый урок.

Утро радовало свежей прохладой и легким ветерком, приятно ерошащим мои волосы. Хорошо, если такая погода продержится весь день – как-то не очень радовала перспектива жариться под палящим солнцем верхом на лихом коне. У нас в Тарасове только один ипподром, и найти его легко. Даже улица, ведущая к пункту моего назначения, так и называлась – «Ипподромная». Заблудиться при всем своем желании невозможно.

Я припарковала машину в специально отведенном месте, дальше пошла пешком. Ипподром был обнесен высоким серым забором, выглядящим уныло и непрезентабельно. Идти до входа оказалось долго, и я недоумевала, почему парковку сделали так далеко. Наверно, чтобы посетители смогли размять ноги перед тренировкой...

Наконец я увидела зеленую калитку – она была открыта, хотя людей поблизости не было. На входе тоже никто не дежурил, и я спокойно прошла на территорию ипподрома.

На обширном кругу с мягким грунтом одиноко скакала серая лошадь, запряженная в повозку (позже я узнала, что называется сие приспособление «качалка», а соревнования в повозках именуются «бега»). Что самое странное, а скачек в Тарасове никогда не проводилось, равно как и состязаний по выездке. Чтобы иметь общее представление о конном спорте, я накануне вечером читалась статей из Интернета, посвященных развитию верховой езды

в Тарасове. В конном спорте существует огромное количество направлений, но в нашем городе основные виды – это конкур и бега. Выездка считается одним из самых нелегких направлений в верховой езде и со стороны напоминает некий танец. Всадник заставляет лошадь выполнять разные трюки – ходить боком, перебирать определенным образом ногами, делать «принимания» и прочие фокусы. Выездка не имеет ничего общего с моим представлением о конном спорте. Я всегда думала, что верховая езда – это «сели и поскакали», главное – обогнать соседа и прибежать первым. Ну и, желательно, не грохнуться с коня. Когда же я прочитала самые общие сведения о том, чему мне предстоит учиться, моя голова разболелась от обилия малопонятных терминов и описаний. Из статьи про конкур я поняла только то, что препятствия представляют собой перекладыны и бруссы, различные по высоте, еще запомнилось красивое название «кавалетти». Это даже не препятствие в широком понимании, а лежащие на земле бревнышки, через которые лошадь должна аккуратно перепрыгнуть. Пожалуй, надо было сказать Жанне, что я собираюсь обучаться прыжкам только через «кавалетти», а еще лучше – делать это на шагу...

Конюшня, куда тренер мне велела прийти, находилась на другой стороне ипподромного круга. Я миновала дорогу, по которой должны скакать всадники, и пошла по узкой тропинке вперед, рассматривая длинные строения, по-видимому, помещения, в которых и содержатся лошади. Конюшни показались мне заброшенными и неухоженными, и в целом ипподром позитивных эмоций не вызывал. Давно я смотрела фильм про жокеев – не помню названия, не суть важно. Дело происходило в Штатах, и заграничный ипподром представлял собой яркий контраст по сравнению с нашим. Участники скачек гнали своих лошадей по аккуратной, едва ли не ковровой, дорожке, все пространство круга представляло собой ровный зеленый газон, а помещения с денниками радовали глаз своей опрятностью и чистотой. Если б я точно не знала, что на Тарасовском ипподроме проходят занятия, то сочла бы его давно забытой, никем не посещаемой территорией. Хотя что я хотела – живу ведь не в столице, в Петербурге или Москве наверняка все куда цивилизованнее.

Погруженная в свои раздумья, я даже не заметила, как добрела до противоположной стороны круга. Лошадь в качалке как раз огибала дорожку и находилась примерно в пятистах метрах от меня. Я быстро пересекла ипподромный круг и спустилась вниз к первой конюшне, ближайшей к дорожке.

Это было грязно-белое вытянутое строение с деревянной дверью, оказавшейся незапертой. Я думала, что никого из людей не увижу, время еще раннее, может, конюх попадетсЯ. Однако когда я подошла к входу, то услышала женские голоса и шум. Я толкнула дверь и вошла в полутемное помещение конюшни.

По обе стороны располагались стойла, или, как они правильно называются, денники. Как только я переступила порог, то увидела большие морды лошадей, меланхолично жующих сено. Один конь стоял в проходе, рядом с ним копошилась какая-то невысокая девчонка лет пятнадцати. Чтобы лошадь не убежала, к ее уздечке с двух сторон были прикреплены веревки, фиксирующие голову. Девчонка щеткой смахивала пыль с шерсти животного. Одетая она была в обтягивающие клетчатые штаны, неизменную жилетку и высокие сапоги. Присмотревшись к ее обуви, я разглядела, что на самом деле это не сапоги, а кожаные вставки, надетые поверх кроссовок. На голове юной наездницы была надета черная каска наподобие мотоциклетной.

Девчонка с кем-то беседовала – я огляделась и увидела другую девушку, которая проводила с лошадью некие манипуляции в закрытом деннике. Разглядеть как следует я ее не смогла – она постоянно переходила с одной стороны денника на другую, подныривала под морду лошади, иногда пинала коня в сторону с покриком «Прими!». На меня девчонки едва обратили внимание, даже не поздоровались. Я решила продемонстрировать правила вежливости и первая пожелала доброго утра. Та, что чистила лошадь в проходе, мимоходом бросила «здрасьте» и вернулась к своим делам.

– Мне нужна Жанна Константиновна, – произнесла я. «Разговорчивая» в проходе даже не повернулась ко мне и махнула рукой в конец конюшни, противоположный выходу.

– Она в быташке, – пояснила девчонка. Я призадумалась, размышляя, что представляет собой эта самая «быташка». Если размышлять логически, быташка – от слова «быт». Может, так на их жаргоне называется раздевалка или помещение, где они едят?..

Я пошла в направлении загадочного места пребывания тренера, попутно прикидывая, где в конюшне можно поставить прослушку. Идя на первое свое занятие, я вооружилась набором компактных «жучков» и отмычек – никогда не забываю своих рабочих «аксессуаров». В принципе, никаких сложностей возникнуть не могло – после тренировки буду кормить лошадей сухарями, заодно и поставлю прослушки.

Девчонка толкнула лошадь в сторону, дав мне возможность пройти, и я, поднырнув под веревку, быстро миновала потенциально опасное животное. Из техники безопасности я хорошо помнила, что нельзя находиться рядом с задними ногами коня – может и лягнуть, но для пущей осторожности я постаралась не задерживаться вблизи лошади. Конь повернул ко мне свою длинную черную голову с густой челкой, но быстро потерял к моей персоне всякий интерес. Девчонка сунула лошади в морду кусочек сахара, и та быстро схрумкала угощение.

Я увидела впереди дверь – стало быть, у конюшни два выхода, – и толкнула ее. Тоже открыто – я вошла в так называемый коридорчик, слева снова увидела дверь. Никаких подписей, ни табличек. Недолго думая, я открыла ее и увидела перед собой маленькую комнату с целой кучей разных седел, уздечек и прочих предметов конной амуниции. Посередине комнаты стоял маленький столик, за которым сидела высокая женщина.

На вид ей было лет тридцать пять – сорок. Я сразу догадалась, что это и есть Жанна Константиновна, хотя представляла я ее себе совсем по-другому. Кузнецов говорил, что вместе с ней учился, и я сразу подумала, что она его ровесница, то есть тренеру должно быть лет пятьдесят. Оказывается, Иван Андреевич поступил в училище уже в зрелом возрасте, тогда как Жанна вполне могла учиться после девятого класса – в техникумы поступают в большинстве случаев в возрасте 14–15 лет. Одета инструктор была по «ипподромной моде», то есть в клетчатые обтягивающие штаны, «сапоги», на поверку таковыми не являющиеся, и в темно-синюю жилетку. Правда, каски на голове Жанны не было, а прямые каштановые волосы были стянуты в низкий хвост. Рядом с тренером на столе стоял электрический чайник (ух ты, у них даже розетки есть!), а в руках женщина держала белую чашку. Видимо, я застала Жанну за утренним чаепитием, или что там еще она могла пить. Услышав мои шаги, женщина повернулась ко мне, и я увидела строгое, суровое лицо с резкими чертами, всем своим обликом выражавшее властность и бескомпромиссность.

– Здравствуйте, я к вам на обучение, – тут же поспешила сказать я. – Мы вчера с вами на десять утра договорились. Я Женя.

– Да, я помню, – спокойно ответила инструктор. – Еще без пятнадцати. Переодеваться будешь?

– Да я вроде в спортивной одежде, – пожала я плечами. – Как вы сказали, обувь с платформой...

– Если будешь дальше заниматься, потребуются бриджи для верховой езды с кожаными вставками, шлем и краги, – заявила Жанна. – Для первого занятия твоя одежда сойдет, дальше надо будет приобретать форму.

Краги, как я поняла – это странные кожаные «недосапоги», вероятно, они нужны, чтоб не стереть ноги о седло. Я решила не задавать глупых, по мнению тренера, вопросов и кивнула.

– Хорошо, только подскажите, где их купить, – деловито попросила я.

– Это все потом, – Жанна отпила глоток из чашки. – Многие люди уходят после первой тренировки, понимают, что у них нет склонности к конному спорту. Я сразу говорю, стоит ли

продолжать заниматься, чтобы не тратить впустую время – ни свое, ни других. Да, иди пока погуляй где-нибудь пятнадцать минут, только не мешайся никому и к лошадям не заходи.

Сказав это, инструктор вернулась к своему прерванному занятию, дав понять, что на этом аудиенция закончена. Я не стала ей надоедать и вышла из комнаты, намереваясь за отведенное мне время до урока разыскать Марину и познакомиться с ней.

В проходе по-прежнему возились те же две девушки, только та, которая чистила лошадь, уже подседлала ее (быстро, однако!), а вторая собиралась выводить коня из денника. Я видела фотографию Марины и сразу поняла, что среди присутствующих в конюшне ее нет. Девчонка, которая держала под уздцы подседланную лошадь, выводила животное на улицу, и я поняла, что завести разговор с ней не удастся. Зато теперь в проходе появилась другая девушка, которая, скорее всего, намеревалась седлать коня. Я заметила сбоку висящее седло – поэтому никто из учениц Жанны не зашел в быташку, все заранее приготовили. Дождавшись, пока незнакомка привяжет лошадь в проходе, я первая завела разговор.

– Какая красивая лошадь! – похвалила я животное. Душой не покривила – кобыла (на деннике значились клички, лошадь звали Принцесса Лола) выглядела холеной, ее серо-белая в черную крапинку шерстка лоснилась и переливалась в тусклом свете. Огромные темно-синие глаза лошади окружали длинные опухшие ресницы, а грива и хвост закручивались плавными волнами.

На мой комментарий девушка не ответила, а молча провела металлической зубчатой расческой по челке Лолы. Я не растеряла энтузиазма и продолжала беседу, точнее, пока монолог.

– Вы давно занимаетесь конкуром?

Девушка на мгновение остановилась – похоже, прикинула что-то в голове, и неохотно бросила:

– Четвертый год.

– Я Жень, – обрадовалась я своей маленькой победе: все-таки удалось вытащить из девчонки два слова. Интересно, они все тут такие необщительные? Или делают вид, чтоб показать свое превосходство над нами, простыми смертными, которые приходят на конюшню впервые?..

– Понятно, – неопределенно ответила моя неразговорчивая собеседница, но представиться нужным не посчитала. На вид ей можно было дать лет 14, а то и меньше. Невысокая, еще угловатая и нескладная, движения немного резкие и, как мне показалось, неуверенные. Четыре года – по сравнению с Мариной, которая тренируется с детства, девчонка на конюшне практически новичок. И лицо у незнакомки невзрачное, про такое говорят – глазу зацепиться не за что. Может, когда она вырастет, станет посимпатичнее, но пока напоминает гадкого утенка, и неизвестно, получится ли из него прекрасный лебедь.

– Сложно заниматься конкуром? – не оставляла я попыток развязать девчонке язык. Та ограничилась пожиманием плечом – вот и думай, как растолковать.

– Я тоже хочу научиться прыгать, – вещала я. – Как проходит обычная тренировка?

– Сначала чистите, седлаете лошадь, – явила девчонка чудеса словоохотливости. – Выводите на манеж. Потом разминка, на шагу упражнения, после упражнения на рыси, галоп. Ну и препятствия.

– Я в первый раз пришла, – протянула я. – Рысь – это медленный бег, да? А галоп – быстрый?

Надо же для приличия прикинуться дурочкой, девчонке необязательно знать, что перед приездом я вычитала все определения основных аллюров и описания конкурных препятствий. По своему опыту знаю, что подростки любят показывать свои познания старшим людям, если те задают глупые вопросы.

– Рысь может быть и быстрая, а галоп – медленный, манежный, – девчонка подтвердила мою догадку. – Существует галоп на месте, рысь на месте тоже есть. Например, Леша, – она

кивнула в сторону крайнего денника, где обитал конь по имени Линкор, – может на рыси обогнать Лолу. Он рысак просто, у него очень тряская рысь.

– Леша – это сокращение от клички Линкор? – внесла ясность я. Девчонка кивнула, и мне показалось, она стала гораздо дружелюбнее по отношению ко мне. Вот что значит правильно найти подход к человеку! Стоит заговорить с ним о предмете, в котором он разбирается, – выложит все, что знает.

– Мы его обычно Лешей зовем, – объяснила девочка. – Я на нем вначале ездила, потом на Лолу пересела. Она прыгает хорошо.

– А мне кого дадут? – проявила беспокойность я. – Простите, как к вам обращаться?

– Я Надя, – наконец представилась моя собеседница. – Тем, кто впервые приходит, дают сначала Таволгу, если Ани нет. Потом пересаживают на Тарифа, кто полгода ходит – то ездят на Античном. Еще есть Боб, Бомбей, Леша. Конкурных лошадей редко дают, если нет других и лошади свободные. У вас, скорее всего, Таволга будет, Аня сегодня не придет.

– А Смерч? – аккуратно подвела я разговор на нужную мне тему. – Я когда приходила сюда просто, видела этого коня, вроде Смерч, да? Мне он понравился, красивый. Я бы на нем хотела поездить...

– Смерча никому кроме Маринки не дают, – покачала головой Надя. – Она на нем выступает, его нельзя портить.

– Как это – портить? – удивилась я.

– Ну, когда люди впервые садятся на лошадь, они ее портят, – объяснила девочка. – Дергают за повод, неправильно высыпают в рысь, могут спину сбить, если на учебной рыси плотно в седле не сидят. А если лошадь постоянно дергать за повод, она становится тугой на рот и ее потом трудно остановить. Да много всего, поэтому и есть прокатные лошади, для новичков, и спортивные, или конкурные, для тех, кто участвует в соревнованиях. Вот Бомбея так вообще испортили, ему постоянно позволяли жевать траву, он теперь жутко ленивый, в рысь не растолкаешь.

– А Марина, которая со Смерчем, – она на манеже? – уточнила я.

– Она позже должна приехать, с ней Жанна занимается. Вы же у нее записаны? Она пока с вами урок проведет, поэтому Маринка после вас будет.

Значит, мне надо что-то придумать, дабы задержаться на конюшне после своей тренировки, и желательно торчать на ипподроме вплоть до Марининого ухода. Единственное, что мне пока пришло в голову, так это изображать из себя ярую поклонницу конкур, готовую целый день наблюдать за тренировками спортсменов. Даже лошадей придется кормить в то время, когда Марина не занимается на манеже. Ладно, разберусь как-нибудь, голова на плечах для того и существует, чтобы изредка напрягать имеющиеся в ней извилины. Хотела бы я посмотреть на тех, кто считает, что профессия телохранителя не требует ничего, кроме умения махать кулаками и стрелять из пистолета. Смешно, ей-богу. Частенько приходится выполнять умственную работу, я всегда считала, что легче преступление предотвратить, вычислив сразу возможного убийцу.

Надя тем временем ловко застегнула подпругу (ремень, проходящий под животом лошади и держащий седло на ее спине), затем отвязала веревки и перекинула повод через голову коня. В тот же момент открылась дверь, ведущая в быташку, и в конюшню появилась Жанна. Видимо, она закончила свой завтрак и теперь была готова приступить к моему обучению. Я всем своим видом выразила стремление и желание обучаться сей нелегкой науке.

Глава 3

Во время нашего вчерашнего телефонного разговора Жанна сообщила, что индивидуальное занятие длится один час, с учетом времени на подготовку лошади. Подготовка – это чистка коня и седловка. Тренер вывела из второго от выхода денника приземистую невысокую кобылу – Надя оказалась права, лошадь звали Таволга. Неожиданно лошадка мне понравилась – она казалась уютной и совершенно безопасной, ни дать ни взять плюшевый мишка. Шерсть у Таволги была серой в крапинку (такая масть называется «в яблоко»), грива – немного светлее, а глаза серо-голубые. Жанна ловко надела уздечку, попутно быстро называя мне термины, означающие разные части амуниции. Я запомнила только, что держится человек за повод, а во рту у лошади находится металлический трензель. Так же быстро инструктор закрепила кобылу на развязки (веревки, которые держат голову животного), а затем браво почистила лошадь двумя щетками – жесткой и мягкой. Вроде одна из них – скребница, а другая – смахивалка.

Когда лошадь была готова, Жанна принесла из быташки седло. Глядя на то, как быстро и ловко тренер все делает, я подумала, что амуниция ничего не весит, но потом убедилась, что на самом деле седло довольно тяжелое и состоит из множества частей. Жанна называла мне все детали, но я мало что запомнила – да и немудрено запутаться в таком количестве незнакомых терминов. Я быстро оставила попытку вникнуть во все обозначения составляющих седла и успокоила себя тем, что хотя бы знаю, как выглядят и для чего служат стремяна. Мне показалось, что это – самое главное в седле, а без знания остальных частей я как-нибудь обойдусь.

Жанна накинула вальтрап на спину Таволги – я-то всегда считала, что тряпочка под седлом называется попоной, а затем легко затянула подпругу.

– Сегодня я тебе показываю, как чистить и седлать лошадь, – пояснила инструктор. – Пока занимаешься индивидуально, готовить коня за тебя буду либо я, либо кто-то из девочек. Но если станешь ходить в группу, все будешь делать сама, поняла?

Я покорно кивнула, хорошо, слово тренера – закон.

Жанна прикрепила к металлическому кольцу на уздечке Таволги длинную веревку под названием корда, и мы вдвоем покинули конюшню.

Если я ожидала, что тренер поведет нас с лошадью на манеж, то сильно ошибалась. Жанна отправилась в центр большого ипподромного круга, на котором по-прежнему никого не было. Одинокая лошадь, запряженная в качалку, видимо, отбегала положенное расстояние и теперь спокойно жевала свой овес в конюшне. Две другие ученицы Жанны занимались на манеже – я издали видела, как они ловко выполняют на рыси какую-то гимнастику.

Жанна остановилась аккуратно в центре поросшей травой площадки и посмотрела на меня, прежде чем дать следующие инструкции. Убедившись, что я внимательно ее слушаю, а не смотрю по сторонам, она быстро объяснила мне технику посадки в седло. На словах все казалось достаточно просто – требуется только опереться одной ногой в стремя, а другую перекинуть через спину животного. Я постаралась не перепутать ноги, чтоб не оказаться сидящей задом наперед, и благодаря своей великолепной растяжке быстро справилась с поставленной задачей. Жанна, похоже, оказалась довольна моим первым успехом, и, если так пойдет дальше, мой план удастся, и я смогу продолжать брать у нее уроки и попутно охранять Марину, которую я пока так и не увидела.

Следующие двадцать минут я занималась тем, что обучалась правильно управлять лошадью на ходу. Принцип тот же, что и при вождении автомобиля – если надо повернуть вправо, то руль, а в данном случае повод, натягивают в правую сторону, и аналогично поступают при повороте влево. Педали тормоза, конечно, у лошади нет – чтобы остановить животное, попросту натягивают на себя повод. Не обошлось и без различных тонкостей, в частности, раньше я

считала, что всадник держится при помощи рук, тогда как на самом деле самое важное – это крепко сжимать седло ногами.

– Не тяни повод, – строго инструктировала меня тренер. – Испортишь лошадь – будешь ее покупать. Вообще, брось повод на холку.

Самое веселое началось, когда Жанна решила перевести Таволгу в рысь. Даже несмотря на мою отличную физическую подготовку, держаться в седле плотно и не вылетать при каждом подскоке оказалось трудной задачей. Как я ни старалась вжаться в седло, меня таки подбрасывало вверх и я неуклюже шлепалась на пятую точку, отбивая себе все, что можно. Инструктор пояснила, что сейчас я изображаю учебную рысь, а к строевой, или облегченной, мы приступим только тогда, когда я перестану плюхаться, точно тяжелая поклажа. Я тоскливо ждала, когда Жанне надоест издеваться надо мной и она остановит Таволгу. Но тренер спокойно держала веревку в руках, а лошадь по-прежнему рысила вокруг инструктора. Я разозлилась на себя: мастер единоборств, боевик экстра-класса, а не могу справиться с упражнением, которое выполняют даже сопливые девчонки на манеже! То ли моя злость помогла, то ли сказилось умение владеть своим телом, но вскоре я с изумлением заметила, что меня больше не трясет так сильно и я вполне сносно держусь в седле. Жанна тоже удивилась и похвалила меня.

– Обычно люди долго осваивают учебную рысь, – заметила она. – У тебя получилось уже на первом занятии, это очень неплохо. Если так и дальше пойдет, ты можешь быстро научиться основным аллюрам. Скажи, ты спортом занимаешься?

Я была полностью сосредоточена на езде, поэтому вопрос Жанны застал меня врасплох, и я чуть было не проболталась про восточные единоборства. Но вовремя спохватилась – не нужно тренеру знать про меня ничего лишнего, и у меня вырвалось первое, что пришло в голову:

– Да, танцами. Этими... – срочно надо придумать вид танцев, чтоб не попасть впросак. – Восточными. Танцем живота.

– А, ясно, – как ни странно, Жанна не удивилась моему ответу. – У людей, которые занимаются какой бы то ни было физической активностью, обучение верховой ездой проходит гораздо быстрее. Я сразу подумала, что ты ходишь либо в спортзал, либо на фитнес. По человеку видно, какой образ жизни он ведет.

На то вы и инструктор, хотела сосрить я, но вовремя сдержалась. Жанна осталась вполне удовлетворена успехами своей новой ученицы и в завершение первой тренировки заставила выполнить меня гимнастику верхом на лошади. Я уже привыкла к своему весьма шаткому положению на спине у лошади – когда под тобой находится животное, которое потряхивает головой, наклоняется вниз, отгоняет мух и вообще проявляет всевозможную активность, начинаешь сильно тосковать по твердой земле под ногами. Я утешала себя тем, что если быстренько выполню все, что потребует от меня инструктор, то скоро смогу покинуть спину Таволги и насладиться спокойным передвижением на своих двоих. Поэтому я не возмущалась, когда Жанна велела мне нагнуться к шее лошади, повернуться к крупу, наклониться в одну и в другую сторону, одним словом, проявить чудеса равновесия и не слететь вниз. Правда, под конец тренер обнаглела – потребовала вытащить ноги из стремян (господи, а держаться я как, по-вашему, буду?!) и помахать ими взад и вперед. Но на мои нелепые «я боюсь» Жанна сурово заявила, что если я хочу учиться, то должна побороть свой страх. Бояться-то я не боялась, если даже и упаду – то ничего себе не покалечу. Умение падать – неотъемлемая составляющая любого вида боевых искусств, но мне совершенно не хотелось начинать свой день с аварийного спешивания со спины лошади. Но тренера, по крайней мере, Жанну, не переспоришь, и я молча выполнила все, что она от меня потребовала. Единственным утешением служило щедрое вознаграждение, которое не пожалел выплачивать Иван Андреевич за мою работу. Я мысленно представляла себе, как на деньги, полученные за мои мучения, смогу купить себе новый ноутбук, и это придало мне сил. Я изобразила все, что потребовала моя мучительница,

и наконец первая тренировка подошла к концу. Да, теперь у меня есть стимул выяснить, кто пытается убрать Марину, как можно скорее. Ведь чем дольше я буду искать злоумышленника, тем больше занятий Жанны мне придется посещать. Что поделаешь, во всем надо искать положительные стороны...

Я нарочно долго не уходила с ипподромного круга – тянула время, расспрашивая Жанну обо всем, что касалось верховой езды, моих уроков и соревнований. Убивала двух зайцев – с одной стороны, давала ясно понять инструктору мои серьезные намерения относительно своих тренировок, а с другой – пыталась отследить появление Марины. За время моего занятия и беседы с Лебедевой ипподромный круг пересекло несколько человек – одна женщина, как мне показалось, тренер или работница конюшни, да две девчонки, обеим лет восемь-десять, судя по невысокому росту. Марина явно запаздывала.

Наконец Жанне надоело со мной болтать, и она заявила, что ей некогда, поэтому я не стала больше надоедать инструктору и покорно пошла в сторону конюшни. Вот и мой пакет с сухарями пригодится – буду специально медленно кормить лошадок, чтоб не упустить свою подопечную. Марина наверняка сначала пойдет в быташку переодеться, это мне можно спокойно ехать на ипподром без сменной одежды. А профессиональная наездница даже в собственном автомобиле краги наденет только в раздевалке.

По дороге я еще раз посмотрела в сторону манежа – вдруг Кузнецова каким-то образом проскользнула мимо моего внимательного зора и уже выполняет тренировочную программу? – но среди препятствий по-прежнему рысили две уже знакомые мне всадницы. Жанна не повела расседлывать Таволгу – скорее всего, лошадь ей нужна для следующих учеников. С чего я взяла, что тренер будет заниматься только с одной Мариной? Наверняка у такого «крутого» тренера еще как минимум пять подопечных, и вряд ли все они одного уровня. Может, после меня записан другой новичок...

Уже подходя к конюшне, я внезапно остановилась. Мой взгляд приковала странная, необычная картина. Я сперва подумала, что это какой-то обман зрения. Но глаза не обманули меня: я действительно видела эту поразительную картину.

Навстречу мне выезжала красивая, точно сошедшая со страниц исторического романа, карета. Она не имела ничего общего с яркими повозками возле площади, на которых катают детей и взрослых. Карета сверкала белизной и была щедро украшена узорами и лепниной в стиле какого-нибудь рококо или барокко. Окна закрывали красные бархатистые занавески, точь-в-точь такие рисуют на иллюстрациях к сказкам братьев Гримм или Шарля Перро. Наверняка внутри должна восседать какая-нибудь прекрасная дама, тоже гостья из прошлого. Запряженные белые лошади, как на подбор, были вычищены до блеска, грудь каждой украшала золоченая перевязь с красивым орнаментом.

Дверца кареты отворилась, и, подтверждая мои предположения, оттуда выпорхнула красивая стройная девушка, одетая в светло-голубое пышное платье с корсетом. Ее блестящие шелковистые волосы были забраны в какую-то сложную прическу, и только непослушный, но явно завитый локон красиво падал на грудь. Голову «принцессы», как я ее назвала про себя, венчала алмазная диадема, в тон которой было подобрано сверкающее ожерелье. Дама подобрала свои многочисленные юбки, подошла к первой лошади и, обернувшись назад, капризно проговорила:

– Я хочу фото с лошадкой, рядом с каретой! Только фон мне совершенно не нравится! Вы же обещали фотосессию в лесу, а тут только поле и эти... эти стойла! – она недовольно махнула рукой в сторону конюшни. Кучер (я его сначала не заметила, разглядывая карету и лошадей) оказался парнем в обычных джинсах и легкой рубашке. На груди его висел фотоаппарат, небольшого размера, но, насколько я могу судить, профессиональный, как раз для фотосессий. Точно, и как я не догадалась! Сейчас ведь модно фотографироваться, любая конюшня

готова предоставить фотографа и лошадей, и за кругленькую сумму можно получить красивые снимки верхом или, как в данном случае, в повозке. Ничего удивительного, просто я никак не ожидала, что на ипподроме можно увидеть такое зрелище.

– Так мы и поедem в лес, – спокойно сообщил фотограф. – Сейчас Сашу дождемся, он повезет. Вы не беспокойтесь, все будет в лучшем виде, как вам и обещали. Вы же видели фотографии в Интернете?

– Да, видела! – надула губки барышня. – Если б не видела, пришла бы не сюда, а на частную конюшню, у вас цены побюджетнее. Но там-то красивый лес, с березками! Это фотошоп?

– Нет же, говорю вам! – терпеливо повторил парень. – За территорией ипподрома – поля, где проходят верховые прогулки, и совсем рядом – березовый лес. Подождите еще немного, увидите все своими глазами! Там и с лошадами вас снимем, а если захотите – то верхом!

– Хочу! – заявила спесивая красавица. – Мне нужны хорошие, качественные фото! Я каждый день в Сеть выкладываю, так что будьте добры, постарайтесь! Я вам деньги не просто так плачу!

– Садитесь в карету, там прохладнее, – посоветовал фотограф. – Саша уже идет, он объектив с собой возьмет и светоотражатель.

– Да уж, я совсем запарилась по этой жаре! – пожаловалась любительница селфи. – И почему нельзя было назначить время пораньше? Мне сказали, что все занято, но я сильно сомневаюсь!

И, не дожидаясь ответа, разгневанная особа удалилась в свою карету, всем своим видом выражая оскорбленное негодование. Мне осталось только подивиться железной выдержке фотографа – какое надо иметь самообладание, чтоб выслушивать подобные жалобы. Хотя это его работа – наверняка ему попадается куча таких требовательных клиентов.

Я не стала ждать, когда появится Саша с объективом, надо как-то найти Марину. Посмотреть на фотосессию, конечно, интересно, но я не за тем пришла на ипподром.

Войдя в быташку и убедившись, что там никого нет, я, не теряя времени, установила миниатюрную прослушку на стенку, аккуратно за жердью, на которую вешали седла. Мой расчет был прост: седлом «жучок» не собьют, а за перекадиной его не видно. Остальные «жучки» распределяю по конюшне.

Я не торопясь взяла свой пакет с сухарями, предусмотрительно оставив в раздевалке сумку, чтобы был повод вернуться. Хорошо, что взяла с собой пакетики чая, кофе и какую-то второпях купленную упаковку печенья – будет повод задержаться в быташке, и никто не посмеет ничего мне сказать. Обед – дело святое, а после тренировки у любого человека должен разыграться аппетит.

У меня в голове уже был готов план моих действий на ипподроме. Пока я зависла на пункте «А» – дожидаться Марину Кузнецову. И лучше всего это делать в непосредственной близости от раздевалки и по совместительству – столовой.

Увы, с сухарями я просчиталась: пакет, довольно увесистый, оказался пуст так быстро, что я не успела обойти и половину лошадей. «Ну вы и обжоры!» – искренне изумилась я прожорливости милых созданий. Мало того, в деннике каждой лошади едва ли не стог сена, так еще и каждый посетитель, поди, угощает разными вкусностями. Да, несправедливо вышло – оставшиеся без лакомства животные тут же продемонстрировали свое возмущение и негодование, а некоторые даже стали громко бить копытами. Я растерялась. Надо срочно что-нибудь придумать, а то кто-нибудь услышит шум и выгонит меня как нарушительницу порядка на конюшне...

Я судорожно огляделась вокруг. Не бежать же мне в поисках магазина, дабы загладить свою вину перед несчастными голодающими лошадками, так и Марину упустить можно. Ага, мой внимательный взгляд приметил висящий рядом с выходом черный пакет – может, повезет, найду там сухари или яблоки?

Я открыла мешок и заглянула внутрь. Отлично – похоже, кто-то из девчонок оставил на конюшне угощение в виде оранжевых, аккуратно нарезанных кусочков моркови. Возьму несколько штук, чтоб было незаметно, и скормлю оставшимся лошадям, решила я.

Моя рука щедро зачерпнула овощное лакомство, и, убедившись, что пакет по-прежнему выглядит полным, я направилась к крайнему деннику. Огромный бирюзовый глаз с черным бездонным зрачком требовательно вперился в меня, а весь облик красивой вороной лошади так и говорил: «Ну, что у тебя там? Давай, не видишь, жду с нетерпением!»

Я протянула кусочек моркови, но когда к моей руке приблизился громадный черный нос и показались серые крупные зубы, я немного испугалась и выронила угощение. Конь с недоумением воззрился на меня – «что дразнишься-то?». Я поспешила исправить свой проступок, и следующий кусок не выпускала из рук, чтобы лошадь схватила его и не уронила.

То ли животное, уже наученное горьким опытом, решило действовать наверняка, то ли я сделала что-то не так, а может, мои пальцы оказались похожи на кусочки оранжевой морковки, но в следующий момент я пронзительно взвыла от нестерпимой боли: вместо сладкого овоща конь мертвой хваткой вцепился в фалангу моего среднего пальца. Зубы у лошадей не острые и треугольные, как у хищников, а округлые и тупые, что делает укус их крайне болезненным. При порезе хорошо наточенным ножом человек сразу не замечает травму, а вот если как следует садануть по руке затупившимся предметом, ощущения ждут пренеприятные. Хуже всего было то, что конь не собирался выпускать мой палец из крепкого захвата, явно намереваясь откусить его напрочь. Я орала как потерпевшая, но на лошадь мои вопли не действовали – я чувствовала, как зубы сжимаются все крепче и крепче, а боль становилась все нетерпимее.

Не знаю, чем окончился бы сей инцидент – возможно, несчастной Жене Охотниковой пришлось бы лишиться своего пальца, – но, на мое счастье, в конюшню быстро кто-то вошел. Этот некто тут же сообразил, что происходит, и чьи-то руки ловко нажали на боковые зубы лошади, точнее на место, где зубов не было. Мертвая хватка мгновенно ослабела, мой покалеченный палец оказался на свободе, и я тут же убрала руку.

Коню удалось прокусить кожу и добраться чуть ли не до мяса – всю руку залило кровью, и я только удивлялась, что ноготь волшебным образом оказался на месте. Осмотрев рану, я перевела взгляд на своего нежданного спасителя, а точнее, спасительницу, которая стояла рядом с денником и разговаривала с конем.

– Смерч, бери угощение осторожней! Нельзя же так!

Ничего себе – «осторожней!» – про себя возмутилась я. Да это чудовище едва меня без пальца не оставило, калекой чуть не сделало! А тут с ним так ласково беседуют, благо, что не хвалят!

Смерч. Это же Маринин конь надо мной так поиздевался! Я еще раз внимательно осмотрела вновь прибывшую на конюшню девушку: высокий (практически мои 180 сантиметров) рост, стройная, немного худощавая фигура, темные волосы под зеленой кепкой, традиционная одежда наездников, нет только краг на ногах. Да, передо мной стояла Марина Кузнецова собственной персоной, которая не обращала на меня ровно никакого внимания и была всецело поглощена своим драгоценным конем.

– Э, простите, что отвлекаю, – ненавязчиво прервала я их задушевный диалог – не монолог, так как конь что-то отвечал хозяйке похрапыванием и сопением. – Мне бы руку обработать, знаете ли, палец того и гляди отвалится...

Марина наконец-то повернулась ко мне и спокойно осмотрела рану.

– Пойдемте в быташку, – позвала она меня. – Там должна быть перекись водорода. Только сначала промойте палец под холодной водой, вон там кран.

По крайней мере, хоть что-то положительное во всей этой ситуации есть – я познакомилась с Мариной и могу поспорить на что угодно, девчонка поверила в случайность нашей встречи. Стараясь не обращать внимания на неугасающую боль, я сунула травмированный

палец под струю холодной воды, надеясь, что это принесет мне облегчение. Куда там – от ледяного компресса стало только хуже, и я с трудом удерживалась, чтобы снова не взвыть. Даже пулевое ранение и то не такое болезненное, как укус «милого» создания... Была б моя воля – ноги моей на конюшне не было бы. Затребую с Кузнецова денежную компенсацию за физический и моральный ущерб. Куплю ноутбук и еще что-нибудь...

Успокаивая себя подобным образом, я проследовала за своей спасительницей в быташку. Марина деловито открыла ящик, в котором пестрело огромное разнообразие всевозможных мазей, тюбиков и флакончиков, предназначенных не только для лошадей, но и для людей. Наконец она извлекла маленькую бутылочку, на которой значилось название – «Перекись водорода», и зеленый тюбик с надписью «Спасатель».

– Вот, сначала полейте палец перекисью, а потом помажьте мазью, – проинструктировала меня девушка. – Сейчас поищу бинты, подождите...

– Меня Женя зовут. – Я решила не терять время зря и наладить с Мариной общение. – А вас как? Спасибо огромное, что помогли... Ой, больно-то как!

Тот, кто не лил перекись водорода на кровоточащую рану, меня вряд ли поймет. Скажу одно – ощущение далеко не из приятных, удивительно, как я не потеряла сознание от болевого шока. Давала о себе знать боевая закалка и привычка к огнестрельным ранениям...

– Марина, – девушка посмотрела на меня с жалостью, но потом строго сказала: – Ничего бы не случилось, если б вы соблюдали технику безопасности при кормлении лошади. Вы угощение как давали? Пальцами кусок держали?

Не в силах отвечать членораздельно, я утвердительно кивнула.

– А надо класть кусочки овощей или сахар на раскрытую ладонь, вот так, – Марина со знанием дела продемонстрировала мне, как правильно кормить лошадь. – А если конь вас укусил, нужно надавить на боковые стороны челюсти, туда, где зубов нет. Тогда лошадь раскроет рот. Вы в первый раз на конюшне, так я понимаю?

Я снова кивнула, как китайский болванчик. В другой ситуации никогда б не позволила какой-то сопливой малолетке учить меня, но сейчас, во-первых, у меня не было ни малейшего желания спорить, а во-вторых, надо втереться к Марине в доверие, поэтому пусть говорит что хочет.

– Вот журнал по технике безопасности, – Кузнецова вытащила большую тетрадь альбомного формата с черной обложкой. – Пока вы обрабатываете рану, прочитайте, а лучше – сфотографируйте на телефон. Это нужно знать обязательно, если вы занимаетесь у Жанны Константиновны, она вам даст теорию на первых занятиях.

Ну уж нет, дорогуша, подумала я про себя, для вида листая книжку. Ты от меня не отделаешься – буду ходить за тобой как привязанная, наговоримся с тобой и о технике безопасности, и обо всем, что хочешь. Для отмазки я все-таки сфотографировала текст, который рекомендовала мне девчонка, а потом с невинным выражением лица посмотрела на Марину.

– Да, я и правда так мало знаю, – сокрушенно произнесла я. – А вы давно занимаетесь на конюшне? Может, перейдем на «ты»?

– Как хотите. Хочешь, – тут же поправилась девушка, однако энтузиазма в общении не проявила. – В технике безопасности все написано, там и про правила поведения на конюшне, про кормление лошадей, даже про езду. Мазью палец помазать не забудь. Мне сейчас некогда, я и так опоздала, тренер ждет.

Я судорожно принялась соображать, как бы мне за ней увязаться. Ничего умного не придумав, заныла:

– А можно я посмотрю, как проходит твоя тренировка? Ты ведь конкурром занимаешься, да? Если у Жанны Константиновны?

– Конкур, – спокойно подтвердила Марина. – Жанна Константиновна не только конкур ведет, еще выездку для желающих и простые занятия для новеньких. Иппотерапией Мария Дмитриевна занимается.

Иппотерапия – это еще что такое? Ладно, плевать на новый незнакомый термин, меня никакая Мария Дмитриевна не интересует. Я щедро выдавила мазь на свой несчастный палец и вскочила с табурета, собираясь составить Марине компанию.

– Я не очень люблю, когда кто-то смотрит на мои тренировки, – осадил меня девушка. – Хотите увидеть конкур – приходите на соревнование, там все будет интереснее.

– Приду, – тут же пообещала я. – Но мне очень хочется знать, как готовятся к таким сложным состязаниям. Я мешаться не буду, честно, ты даже меня не увидишь. Сяду в сторонке где-нибудь, на манеж даже не зайду.

Марина оставила мои заверения без всяких комментариев. Точнее, она вообще перестала обращать на меня внимание, как будто моей персоны в быташке не было. Девушка застегнула замки на кожаных крагах – у нее они были красивые, не такие простые, как у других девочек, фирменные, схватила каску и хлыстик и открыла дверь быташки. Я наспех перебинтовала палец, который и не думал переставать болеть, и уныло поплелась за своей подопечной, искренне надеясь, что сегодня никто на ее жизнь покушаться не будет. Как-то неохота совершать подвиги с покалеченной рукой. Я не жалею, но демонстрировать боевые навыки приятнее с целыми, нетравмированными конечностями.

В конюшне толпился народ – вернулись с тренировки две девочки, которые теперь расседывали и хвалили лошадей. Пакет со злополучной морковкой принадлежал Наде – я заметила, как она протягивает лакомство своей лошади, по всем правилам, как и показывала мне Марина. Последняя даже не поздоровалась с наездницами – сухо кивнула, те ответили таким же сдержанным приветствием. Зато со Смерчем Марина разговаривала так, как будто он – самый лучший и преданный ее друг. Меня даже удивило, как она трепетно относится к своему коню. Когда-то тетушка Мила принесла домой бездомного котенка, сообщив мне, что у нас появился новый член семьи. Тетя животных очень любит, с котенком она возилась так, как будто это ее новорожденный ребенок. Но Марина «переплюнула» даже мою тетушку. Честное слово, мне кажется, была б ее воля, так она б памятник Смерчу поставила. Может, поэтому она такая необщительная, зачем ей другие люди, если есть такой замечательный конь? Марина и амуницию ему какую-то дополнительную взяла, ноги зачем-то перебинтовала. Даже щетки для чистки шерсти – и те были ее собственные, а не общие.

Я старалась не попадаться девчонке на глаза и стояла в сторонке, молча наблюдая, как она обихаживает свою лошадь. Внезапно я услышала трель телефона – Мариного. Прежде чем ответить, Марина вышла из денника (наверно, рядом с лошадью по телефону разговаривать нельзя) и только потом поднесла трубку к уху.

– Привет, папочка, – нежно заворковала она. О, вот и нашлось еще одно существо, которое дорого Марине в нашем мире. Конечно же, единственный ребенок единственного родителя, легко догадаться, что отношения между отцом и дочерью должны быть доверительные. Хотя... Мне это понять трудно. Со своим отцом я не общаюсь, но на то у меня есть свои причины. Если б он в свое время не женился на какой-то вредной тетке, возможно, и моя жизнь сложилась бы иначе. Но не об этом речь, я – скорее исключение из правил. Насколько могу судить, в семьях дочь обычно обожает отца, а сына, напротив, часто чрезмерно опекает мать. Этаким закон противоположностей, и в данном случае с Мариной он работает.

Разговор девушки с отцом никакого интереса для меня не представлял – судя по ответам Марины, Иван Андреевич интересовался, как она добралась до конюшни, все ли в порядке. Волнуется за дочку, понятное дело. А может, ждет, что Марина расскажет про знакомство со мной, ему же надо знать, приступила ли я к работе. Но девушка ни словом не обмолвилась про инцидент со спасением моего пальца из пасти Смерча – ограничилась банальным «со мной все

хорошо, не волнуйся, папуля». Просто удивительно, сколько выводов можно сделать из обычного, ничего не значащего разговора: например, я составила свое мнение о характере Марины, точнее, о ее жизненных приоритетах. Насколько могу судить, главный авторитет для нее – отец и, возможно, тренер (об этом я узнаю на манеже). Ну а любит она своего несравненного Смерча, и больше ей ничего не нужно.

Я подождала, пока Марина дочистит и подседлает коня, а затем вышла вслед за своей новой знакомой из конюшни, стараясь держаться от нее на некотором расстоянии, дабы не смущать девушку своим присутствием.

Глава 4

Я сдержала данное Марине обещание и на глаза девушке не попадалась – следила за ней внимательно, но неприметно. Думаю, даже Жанна не обратила внимания на мое присутствие. Я нашла для себя укромное местечко неподалеку от места тренировок и скрылась в тенистой поросли кустов. Если б дело происходило в какой-нибудь западной стране, наверняка мне б пришлось пораскинуть мозгами, выбирая пункт слежки. Но у нас в Тарасове за ипподромом особенно не ухаживали, траву не подрезали, кусты не убирали. Даже мусор валялся неподалеку, красота, ничего не скажешь...

Пока на манеже никого, кроме Марины и тренера, не было. Жанна что-то командовала ученице, та беспрекословно выполняла задания. Поразительно, как можно заниматься несколькими всадникам на таком маленьком участке, сплошь заполненном препятствиями! Хорошо еще, что Жанна не притащила меня на манеж – сомневаюсь, что я смогла бы проехать верхом, не врезавшись в какой-нибудь хитрый барьер. Но Марина держалась в седле уверенно, словно приросла к лошади, прыжки выполняла грациозно и изящно. Я невольно залюбовалась легкостью, с которой девочка совершала самые сложные трюки. Даже моя сноровка и отличная физподготовка вряд ли бы помогли. Может, конечно, я бы и прыгнула через барьер, но сомневаюсь, что это выглядело бы настолько непринужденно.

К соревнованиям Кузнецова готовилась и правда серьезно. Занятие ее длилось не час и не два, а гораздо дольше. Прыжки чередовались с выполнением гимнастических упражнений на шагу и рыси, после чего Марина пускала Смерча различными аллюрами. Вначале я как-то отличала рысь от галопа, но потом вконец запуталась. Судить по скорости передвижения лошади – гиблое дело, порой конь делал движения, характерные для галопа, но оставался на месте, иногда шагал, но какими-то неведомыми виражами, странно переступая ногами. Наверно, Жанна дает девочке элементы выездки, догадалась я. Да, этот вид конного спорта и впрямь напоминает странный танец, вот только пара состоит не из дамы и кавалера, а из наездницы и коня. Это зрелище одновременно и восхищало и завораживало, и я поймала себя на том, что не могу оторвать глаз от Марины и Смерча. Даже о больном пальце забыла, бывает же такое...

Похоже, где-то наверху мое желание было услышано, и никаких форс-мажорных происшествий в этот день не произошло. Где-то в час дня и у лошадей, и у людей был обеденный перерыв, во время которого тренер с Мариной покинули манеж. Я по-прежнему старалась не бросаться в глаза, но и уходить с ипподрома не собиралась. Раз договорились, что я слежу за Мариной весь день, пока она занимается на конюшне, значит, покидать рабочее место я не имею права. Единственное, что я не учла – так это свои собственные физиологические потребности в еде. Лошадям скормила весь пакет сухарей, а мне остались только жалкие крекеры да несколько пакетиков растворимого кофе. «Дурная твоя голова, Женя, – сокрушалась я про себя. – Ну раз мозги не работают, то и ходи голодной...»

Зато в обеденный перерыв у меня появился повод еще раз попытаться наладить контакт с Мариной. Задача не из легких – я это сразу поняла. И в своих предположениях не ошиблась. Юная спортсменка молча жевала нечто, напоминающее овсяную кашу, из контейнера. Я не стала заглядывать в ее тарелку, чтобы установить название блюда, хотя, если на жизнь девушки кто-то покушается, он запросто мог подсыпать какой-нибудь яд в Маринину еду. Будем надеяться, что таинственный злоумышленник до этого не додумался. Благодаря установленной прослушке я смогу установить личность отравителя, вот только Марине это не поможет...

Хозяйка Смерча, даже не подозревавшая о моих тревогах касательно ее жизни, с абсолютно равнодушным видом доела весь свой обед и, точно так же не произнося ни слова, засунула контейнер в цветной пакет. То ли девушка, как и я, абсолютно неприхотлива в еде, то

ли питается по специально подобранной диете – непонятно. Но овсянка, очевидно, никакого гастрономического удовольствия ей не принесла.

Я решила показать, что тоже сижу в быташке не просто так, и достала свои несчастные печенья. Пока рылась в сумке, ударила большим пальцем и ойкнула от боли и неожиданности. Рана, только недавно переставшая меня тревожить, снова напомнила о себе, заставив меня сморщиться, дабы снова не взвыть. Я кое-как разорвала упаковку крекеров и щедро предложила угоститься Марине. Девчонка пожала плечами – вроде ешь сама свои печенья – и вытащила плитку шоколада. Поделиться со мной ей в голову не пришло, она спокойно сжевала половину плитки, а остальное завернула и отправила обратно в пакет.

Мои попытки завести разговор тоже потерпели сокрушительное фиаско. На участливый вопрос, как прошла тренировка, Марина не только не ответила, но и весьма бесцеремонно встала из-за стола и вышла из раздевалки. Я выругалась про себя – вот упрямая, зараза! – засунула оставшиеся крекеры в сумку, так и не успев их попробовать, и вышла вслед за девушкой. Как и ожидала, та уже торчала в деннике своего ненаглядного Смерча. Могу поспорить, ему она охотно выкладывала все подряд – и про занятия, и про овсянку, и еще бог знает про что...

Вторая половина дня практически ничем не отличалась от первой: Жанна командовала, Марина выполняла указания. Разнообразие внесло только появление других учениц тренера, трех девушек примерно одного с Мариной возраста. Одна из них отличалась высоким ростом и крепким телосложением, вследствие чего она казалась куда сильнее и выносливее остальных всадниц. Ее длинные роскошные светлые волосы были стянуты в небрежный хвост, отдельные пряди в живописном беспорядке выбивались из-под каски. Амазонка, да и только, подумала я. Лошадь у рослой была соответствующая – высокая, черная, с выпирающим хребтом. Кобылу звали Регина, как я догадалась из долетавших обрывков команд Жанны, а ее хозяйку – Лена. Эта парочка сразу привлекала к себе внимание – весь облик наездницы выражал горделивость и надменность. Если Марина выполняла прыжки плавно и грациозно, то Лена брала резкостью и наскоком. Она быстро разгоняла лошадь, сильно прищипривала ее и буквально взлетала вверх, преодолевая препятствие. Она мастерски владела своим телом – когда нужно, наклоняла корпус, а едва лошадь приземлялась на передние ноги, тут же выпрямлялась, как солдат при параде. Ни одного лишнего движения, ни одного неуверенного жеста – словно это был не живой человек, а какой-то робот.

По сравнению с харизматичной Леной и грациозной, изящной Мариной остальные ученицы терялись и казались незаметными серыми мышками. Естественно, они ездили куда лучше меня, да и других новичков, прыгали через препятствия, пускали коней разными аллюрами. Но не было у них той изюминки, того обаяния, которыми обладали высокая «Амазонка» и моя подопечная, а потому они и оставались всего лишь «девочками на лошадях», «ученицами тренера». Как выяснилось позже, из четырех всадниц, занимающихся на манеже, к соревнованиям готовились только Лена и Марина. «Серенькие мышки» отъездили положенный час и, весьма довольные собой, теперь хвалили лошадей и шагали по узенькой дорожке вдоль препятствий, не мешая двум другим наездницам. Потом они уехали в конюшню, а Лена и Марина продолжили тренировку.

В четыре вечера Жанна скомандовала Марине заканчивать занятие и отшагивать Смерча, и все свое внимание сосредоточила на Лене. В отличие от двух предыдущих учениц, Марина направляла коня не по дорожке, а вдоль препятствий. Лена же гнала свою высоченную Регину по периметру манежа сверхбыстрым галопом. Жаль, забыла, как он называется в конном спорте. «Карьер», то ли «полевой галоп», ладно, оставим термины. Иначе говоря, кобыла неслась с такой скоростью, что попадись на дороге всадницы кто-то или что-то – я бы ему не позавидовала. Марина описала еще одну «восьмерку» вокруг двух метровых барьеров, а потом направила Смерча к выходу, выгадав момент, когда Лена находилась на противоположной стороне манежа.

Я даже пожалела, что приходится уходить, так и не досмотрев окончания этой бешеной скачки. Но мне надо охранять Марину, поэтому я задворками прокралась за всадницей, которая, наверно, и вовсе забыла о моем существовании. Пока она расседывала коня, я тихо прошла в дальний конец конюшни и притаилась перед дверью в быташку. Мне был виден проход между денниками, тогда как Кузнецова при всем своем желании не смогла бы меня заметить. Про себя я запомнила все удобные точки наблюдения, которыми смело можно пользоваться. Между тем Марина вытащила телефон из маленькой сумочки вокруг пояса и позвонила отцу. Я слышала ее разговор – она сообщила, что тренировка закончена и Костя может подъезжать. Вероятно, шофер Марины, поняла я. Кузнецова быстро швырнула краги и шлем в быташку, схватила пакет с контейнером и вышла с конюшни, не забыв ласково потрепать Смерча и угостить его щедрой порцией нарезанных яблок. Я поняла, что и мой рабочий день на сегодня закончился, однако не успокоилась до тех пор, пока не увидела, как Марина, покинув территорию ипподрома, садится в серебристый «БМВ», и автомобиль плавно трогается с места.

На следующий день я приехала на конюшню так же утром, за полчаса до назначенного времени моего занятия. Я поняла, что Жанна ставит новичков до обеда, а вечер посвящает более «продвинутым» ученицам. Помня свои вчерашние ошибки, сегодня я основательно подготовилась ко второму рабочему дню. Во-первых, взяла себе подходящий обед, дабы не ходить, как голодная сирота. Тетушка Мила, которая искренне меня жалела («Женечка, ты же никогда лошадей не любила, как ты теперь верхом-то едешь?»), пыталась нагрузить меня контейнерами с супом и вторым блюдом, но я наотрез отказалась. Попросила ее нарезать мне побольше бутербродов – по крайней мере, их удобно жевать на ходу и не нужно подогревать. По-человечески поесть за столом мне вряд ли удастся, учитывая непростой характер моей подопечной, а бутерброды будут в самый раз.

Скрепя сердце я напихала целый пакет сухарей для лошадей, стараясь в магазине выбрать куски побольше – чтоб исключить повторения вчерашней катастрофы с моим пальцем. Пришлось смириться с печальным фактом – рана будет заживать очень долго, укусы лошадей болят сильнее, чем кошачьи. Остается лишь радоваться, что в аптечке на конюшне отыскалась перекись водорода и я не успела занести себе инфекцию. Да, глупее ранения в моей жизни еще не было...

Иван Андреевич, которому я отчитывалась накануне (про укушенный палец промолчала, не хватало еще позориться перед заказчиком!), сообщил, что Марину каждый день привозят на конюшню к 10 утра. Дочка занимается шесть дней в неделю – и то потому, что лошадям положено отдыхать один раз в семь дней. У Смерча и так огромная нагрузка по сравнению с лошадками, которым «повезло» работать в прокате – конкурным и спортивным лошадям приходится пахать вдвое больше, чем остальным коням. Одно дело – катать шагом ребенка или неопытного всадника на корде, и совсем другое – целый день брать препятствия, скакать галопом и отдыхать только на рыси и шаге в конце тренировок. Я слышала, что век ипподромных лошадей недолог – их не жалеют, заставляют работать на износ. А если животное получает травму и его по счастливой случайности не покупает кто-нибудь в качестве домашнего любимца, бывшего призера соревнований без сожаления сдают на мясо...

Но, думаю, Смерчу такая судьба не грозит. Даже если во время тренировки конь повредит себе ногу и не сможет больше участвовать в спортивных состязаниях, Марина уприсит отца приобрести его. Никогда не поверю, что такая горячая любовь человека к лошади закончится, если животное придет в негодность. А Марина, надо сказать, буквально влюблена в своего коня, это сразу понятно.

Однако на конюшню я явилась не первая – как и вчера, я расслышала голоса девчонок. Не Нади и той, которая первая чистила лошадь на развязках, говорящие были мне не знакомы. Я остановилась и решила пока не демонстрировать свое появление. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, я прижала ухо к приоткрытой двери в конюшню.

– Прикинь, Анька до сих пор в отрубе валяется! – донесся до меня веселый голос одной из участниц разговора. Ее собеседница громко расхохоталась, и я услышала характерный звук, раздающийся при ударе ладонями.

– Круто ты ее! – восхитился другой голос. – А я думала, не сработает!

– Да у меня мать иногда его пьет, когда кефирчик не помогает, – заявила первая. – Но она по капельке в воде разводит, а я целую ампулу в чай вылила!

– Эх, жалко, не узнаешь, как она сейчас. – Я услышала злой, торжествующий хохот. Надо сказать, довольно омерзительный смех. – Поди, с фарфоровым другом не расстается!

– Ага, может, ей мамаша туда постельку перенесла, чтоб доченьке далеко ночью не бегать! – вторила другая соучастница. Девчонки еще похохотали, а потом замолкли – видимо, занялись чисткой лошадей. Я посчитала, что время войти в конюшню сейчас самое подходящее.

Как я и догадалась, девочек было двое, и обе они старательно смахивали пыль со своих лошадей, стоящих по разные стороны прохода на развязках. И кони, и их хозяйки были мне не знакомы. Девушка повыше – на вид ей было лет 14–15 – чистила поджарую гнедую кобылу с черной гривой, заплетенной в сложные косички. Лошадь стояла рядом с денником с табличкой «Эрика» – стало быть, кличку гнедой лошади я знаю. Другая кобыла терпеливо перетаптывалась возле стойла с надписью «Грация». Эта лошадь была пониже ростом, черная, с белой отметиной в середине морды. Ухаживающая за ней девушка стояла ко мне спиной – видны были только ее длинные темные волосы, заплетенные в тугую косу, зеленая футболка, обтягивающая ладную стройную фигурку, и неизменные клетчатые бриджи.

Я поздоровалась, девчонки фамильярно помахали мне:

– Привет-привет! Новенькая, что ль? На прокат?

– Я у Жанны Константиновны занимаюсь, – пояснила я. – Недавно, второе занятие.

– А, понятно, – девчонки потеряли ко мне всякий интерес и вернулись к своему занятию, изредка похихикивая – видимо, вспоминали свою «веселую» «остроумную» шутку. Я аккуратно обошла лошадей и прошла в быташку.

Дети в подростковом возрасте бывают очень жестоки – эту истину я знала прекрасно. Вот только странно видеть подобное вероломное поведение на конюшне – мне казалось, что общение с животными (пускай даже такими опасными, как лошади!) делает человека добрее по отношению к окружающим. Не зря же в семьях с детьми часто заводят больших собак – чтоб ребенок с малых лет учился ответственности и заботился о ком-то. Но то, что я услышала сейчас, как-то подорвало мою веру в доброту и светлые чувства на ипподроме. Ситуация мне полностью понятна – эти две подружки решили подсыпать некой Ане какое-то слабительное, а теперь радуются удачной «шутке». О том, что у их жертвы может развиваться серьезное отравление или другие проблемы с желудком, девчонки как-то не подумали. Хотя, может, они совершили пакость не смеха ради, а, скажем, решили отомстить этой Ане за что-то? Или она просто им не нравится? А может, они не хотят, чтоб она участвовала в соревнованиях? Последняя версия, конечно, хорошо сочетается с покушением на жизнь Марины, если таковое имело место быть, но предположение нуждается в проверке. Если Аня и эти две пакостницы не участвуют в конкуре, значит, остаются первые два варианта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.